

ТРАЕКТОРИИ ТЕКУЩЕГО ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА

УДК 821.161.1-32(Шишкин. М.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)63-8,44

В. В. Абашев

Пермь, Россия

«РУССКАЯ ШВЕЙЦАРИЯ» МИХАИЛА ШИШКИНА В КОНТЕКСТЕ ПУТЕВОДИТЕЛЬНОГО ЖАНРА*

Аннотация. Как в критических отзывах, так и в автокомментариях «Русскую Швейцарию» справедливо интерпретируют как своего рода историко-философский трактат о путях России и Европы. Но при этом недооценивается значение авторского жанрового определения: «историко-культурный путеводитель». Книга, как принято считать, «только притворяется путеводителем». Между тем конструктивные особенности путеводительного жанра здесь строго соблюдены: повествование подчиняется движению в пространстве и членится главами по локациям. Так, именно форма путеводителя помогает реализоваться шишкинской поэтике ахронных сцеплений. Порядок истории подчиняется порядку пространства: «швейцарская география сцепляет русскую историю в самых непривычных комбинациях». Далее, как этого и требует путеводительный жанр, одним из главных сюжетов «Русской Швейцарии» становится диалог о пространстве. В повествовании рассеяны выразительные описания швейцарских ландшафтов, увиденных глазами деятелей русской культуры. Здесь сталкиваются два образа пространства — горное и равнинное, российское. Философия равнины сталкивается с философией гор, «горной философией».

Перенеся конструкцию путеводителя из прикладной сферы в историко-культурную, Шишкин произвел перспективный сдвиг жанра. Внимание к метафизике пространства, сама идея спроецировать в пространство культурно-исторические коллизии и подчинить историко-философское повествование принципам путеводительного жанра оказались важным шагом в историко-литературной перспективе. «Русская Швейцария» предвосхитила проекцию «пространственного поворота» (spatial turn) в практику отечественной культурно-географической эссеистики. Ее развитие в России связано с деятельностью литературно-исследовательской группы «Путевой журнал» (А. Балдин, Р. Рахматуллин, Д. Замятин).

Ключевые слова: Михаил Шишкин, путеводительный жанр, spatial turn, культурная география.

V. V. Abashev

Perm, Russia

MIKHAIL SHISHKIN'S *RUSSIAN SWITZERLAND* IN THE CONTEXT OF GUIDEBOOK GENRE

Abstract. *Russian Switzerland* is legitimately interpreted as a historic and philosophical treatise on Russia's and Europe's pathways not only in critical reviews, but also in the author's self-commentary. However, at the same time the meaning of the author's definition of its genre — 'historic and literary guidebook' — is underestimated. The book, as it is commonly stated, «only pretends to be a guidebook». Meanwhile, all the constitutive features of a guidebook are strictly observed here — the narrative follows the advance in space and is divided into parts according to locations. In this way, the form of a guidebook contributes to Shishkin's poetics of achronistic linking. The order of history obeys the order of space: 'Swiss geography interlinks Russian history in the most unusual combinations'. Furthermore, as is required by the genre of a guidebook, one of the main story lines in *Russian Switzerland* is the dialogue on space. The narrative is permeated with expressive descriptions of Swiss landscapes seen by the Russian artistic community. Here we see two images of space collide: Swiss highland and Russian lowland. The philosophy of plain collides with the philosophy of mountains, the «mountainous philosophy».

By transferring the structure of a guidebook from applied into historic and cultural sphere, Shishkin has produced a promising shift of genre. His attention to metaphysics of space, the idea of projecting cultural and historic collisions into space and compelling the historico-philosophical narrative to the principles of guidebook genre have turned to be an important step in the historic-literary perspective. *Russian Switzerland* has anticipated the projection of 'spatial turn' into the practice of Russian cultural geographical essay writing. Its development in Russia is connected with the activity of the 'Putyevoj Zhurnal' [Travel Journal] literary research group (A. Baldin, R. Rakhmatullin, D. Zamyatin).

Keywords: Mikhail Shishkin, guidebook genre, spatial turn, cultural geography.

В ряду произведений Михаила Шишкина «Русская Швейцария» стоит особняком, хотя и занимает в нем место необходимое. О внутренне глубоком импульсе к написанию книги сам автор говорил неоднократно. «Путеводитель, — по словам Шишкина, — родился из ощущения пустоты под ногами» [Березин 2001: 207]. Чужое пространство нужно было освоить, или как не раз говорил автор: «колонизовать» [Шишкин 2013], колонизировать, чтобы сделать его своим, внутренне родственным. Как го-

ворил Набоков, «я должен осознать план местности и как бы отпечатать себя на нем» [Набоков 2000: 325]. Из этого желания — осознать план местности и отпечатать себя на нем — выросла «Русская Швейцария» и как произведение, книга, и как творческое и экзистенциальное действие, имеющее целью найти себя в другом, чужом пространстве.

Всех, кто взял на себя труд осилить эту почти семисотстраничную книгу, несколько смущает ее жанровое определение — «литературно-исторический путеводитель», особенно с акцентом на последнем слове: путеводитель. «Русская Швейцария» «только притворяется путеводителем — по сути, это та же проза» [Березин 2001: 2007], вот типичное утверждение. Да и сам автор в одном из ин-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ в рамках проекта №15-14-59004 а(р) «Маршрутами российских первопроходцев: образно-географическая карта Урала в путевых отчетах ученых и писателей XVIII — начала XX вв.»

тервью сказал, что «путеводителем» его книга называется «лукаво» [Шишкин 2013].

В таком колебании есть резон. В определенном отношении «Русская Швейцария» это историко-философский трактат о России. Может быть, точнее — материалы к такому трактату. Едва ли не на три четверти повествование соткано из фрагментов воспоминаний, писем, публицистических текстов деятелей русской культуры и революции на протяжении почти 200 лет — от Карамзина до Набокова, от Михаила Бакунина до Владимира Ленина, избравших Швейцарию кто как место путешествий, кто как убежище или место жизни. Швейцария становится зеркалом, которое фокусирует конфликты русского самосознания и истории, русской идеи.

«На берегах альпийских озер тесно от русских теней. Швейцарская география сцепляет русскую историю в самых непривычных комбинациях. Скрябин спешит по женеvской улице навстречу бегущему за акушеркой Достоевскому, а потом оба отпевают в церкви на Рю-Родольф-Тепфер своих дочерей. Пансионерка Муся Цветаева скачет к маме вприпрыжку по набережной Уши мимо задумавшегося Азефа. Герцен и Солженицын печатаются в одной газете. На вершине горы Риги встречают восход плечом к плечу Тютчев и Бунин. Замусоленные достопримечательности превращаются в зеркало, отражающее всякого, кто заглядывает. Не русские путешественники рассказывают о Рейнском водопаде, но водопад о них. В падении Рейна отражается русский мир» [Шишкин 2006: 13, 14]. Этот фрагмент из открывающего книгу эссе «Урок швейцарского» почти исчерпывающе формулирует ее концепцию — Россия на рандеву с Швейцарией. «Это попытка понять через альпийские отражения, почему у моей страны такое монструозное прошлое, которое не пускает ее в будущее» [Шишкин 2007], — резюмировал автор в одном из интервью. Здесь же в процитированном фрагменте эксплицированы особенности поэтики книги — поэтики ахронических сцеплений, созвучий, поэтики рифм.

«Русская Швейцария» это открытый текст. В-первых, это своего рода питомник, где ждут своего часа саженцы историй. Множество свернутых сюжетов. Один из них уже реализовался в «Кампании святого Марка» (2011), документальной повести о романе любовных отношений русской феминистки и социалистки Лидии Кочетковой и Фрица Брупбахера.

Во-вторых, множеством цитат, пересказанных историй Шишкин создает внутритекстовое поле для взаимодействия чужих голосов, переключек тестов. Это поле диалога и игры, предполагающее значительную степень активности читателя. Читатель становится агентом структуризации текста, устанавливая связи элементов не программируемых, или не вполне программируемых, автором. Возникают спонтанные эффекты взаимодействия — своего рода внутренние рифмы. Это важное слово — рифма — как созвучие, иногда ироническое, ситуаций, образов, положений, персонажей Шишкин произносит сам в начале книги: «История, как известно, обожает рифмы» [Шишкин 2006: 26]. Кстати, если провести аналогию между «Русской Швейцарией» и вен-

ком сонетов, то вступительное эссе здесь играет роль магистрала — его темы и персонажи потом будут развиты в последующих 15 главах. Рифмы способен подсказывать или угадывать сам читатель. Безумный Нижинский, танцующий на высях верхнего Энгадина, неизбежно извлекает из памяти созвучие с Ницше и его танцующим пророком.

Такой же внутренней и вероятно вполне спонтанной рифмой становятся истории о садах у Михаила Бакунина и Сергея Рахманинова. Они не сопоставлены прямо, но далеко разнесенные в пространстве текста, невольно резонируют.

В последние годы жизни в 1874 году в Лугано на вилле «Фумагальи» («Fumagalli») Михаил Бакунин решает разбить сад. Он отдается этому делу со всей страстью, торопится, но в итоге остывает, и от задуманного сада остаются одни ямы — чем не прообраз «Котлована». Сергей Рахманинов строит виллу Сенар в Хертенштайне (Hertenstein) на берегу Фирвальштедского озера, где и живет с 1932 до августа 1939. Трудясь как швейцарский бюргер, русский композитор воссоздал в Швейцарии свой «кусочек России» [Шишкин 2006: 376], имение с тщательно распланированным садом, где росло «более тысячи разновидностей роз» [Шишкин 2006: 378]. Эти две истории рифмуются, как метафоры двух стратегий и образов русского духа. Почти притча о двух Россиях. Россия Рахманинова не может существовать в рамках российского государства, поэтому свой сад разбивает в другом пространстве. Россия Бакунина, усиливаясь взрастить небывалый сад, неизбежно приходит к ямам, к котловану. Но эта рифма предусмотрена, она созвучна общей концепции книги. Собственно «урок швейцарского» и состоит в том, что центре системы ценностей стоит свой сад. Этот урок усвоили В. А. Жуковский, назвав его «горной философией», Лев Тихомиров, увидевший в каменной кладке альпийских хижин спрессованный и преемственный труд многих поколений.

И все же хотя внимание читателя концентрируется на коллизиях русского сознания, конструкция путеводителя является не только формальным способом упаковки объемного историко-биографического материала. Материалы к историко-философским размышлениям о России организованы по правилам «путеводительного дискурса» [Киселева 2008: 37]. Собственно «путеводительный дискурс» конституируется лишь установкой на «имитацию совместной прогулки». Это обеспечивается как структурным принципом организации «материала <...> по маршрутам», так и системой «приемов вовлечения читателя» в пространственное движение, системой «приемов руководства восприятием пространства» [Киселева 2008: 20]. В этом смысле он очень гибок, склонен и расположен к симбиозам и может выступать как конструктивный, организующий повествование принцип в разнообразных проблемно-тематических полях и реализоваться в широком спектре жанров и вступать во взаимодействие с другими дискурсами. Убедительный и перспективный пример такого взаимодействия или гибридации дискурсов — «Русская Швейцария».

Конструктивные особенности путеводительного жанра здесь строго соблюдены: повествование подчиняется движению в пространстве и членится главами по локациям. По мере чтения мы перемещаемся от города к городу, от кантона к кантону, от ландшафта к ландшафту. Наглядный пример последовательности реализации путеводительного импульса — глава XI «Пушкинский профиль Маттерхорна. Валлис». Сначала мы, пересекая весь кантон, следуем за Николаем Станкевичем, выехавшим из Вева и перевалившим через Альпы через Симплонский перевал в 1839 году. Затем, после общего очерка путешествия по Валлису мы повторяем маршрут, двигаясь от места к месту и постепенно знакомясь с окрестностями, следуя по местам жизни и поездок деятелей русской культуры и истории. Завершается очерк Валлиса грандиозной горной панорамой, увиденной глазами Герцена. В том же Церматте (Zermatt), через столетие останавливается Владимир Набоков: «Он рисует силуэт Маттерхорна. У него получается пушкинский профиль» [Шишкин 2006: 461].

Необходимо подчеркнуть, что именно форма путеводителя и помогает реализоваться и открытости концепции книги, и поэтике сцеплений. Поскольку повествование следует за движением в пространстве от места месту и членится по локациям, это обеспечивает эффект ахронизма. Пространство отменяет историю и освобождает автора от необходимости выстраивать жесткую концепцию. Разновременные факты, события, лица встречаются в одной точке пространства: «Швейцарская география сцепляет русскую историю в самых непривычных комбинациях» [Шишкин 2006: 14].

Именно география. Все же, читая книгу, мы путешествуем по Швейцарии с особенными гидами — деятелями русской культуры. Виды Швейцарии, ее ландшафты и города мы видим их глазами и чуткими, и пристрастными. Поэтому одним из главных сюжетов «Русской Швейцарии», как это и требует путеводитель, становится пространство. В повествовании рассеяно множество выразительных описаний швейцарских ландшафтов. Деятели русской культуры как бы проходят испытание иным пространством. Испытание иной красотой. Здесь сталкиваются два образа пространства — горное и равнинное, российское. Философия равнины сталкивается с философией гор, «горной философией».

Отпугивает красота гор Чайковского. Среди «величественно прекрасных видов и впечатлений туриста» он «всей душой стремится в Русь», его «сердце сжимается при представлении ее равнин, лугов, рощей». «О милая родина, — патетически восклицает композитор, — ты во сто крат краше и милее всех этих красивых уродов гор, которые, в сущности, не что иное суть, как окаменевшие конвульсии природы» [Шишкин 2006: 433]. «Чужда европейская природа» Николаю Бердяеву (1904). Вид на альпийские вершины и Тунское озеро кажется ему красивой «картинкой», с которой он не испытывает чувства слияния «как с русским лесом, русской рекой» [Шишкин 2006: 403]. Этот ряд — красивое, но чужое — продолжает Гоголь и многие другие.

Но чужая красота могла действовать и по-другому. «Всякий раз, когда я <...> отворял ставни

окна <...> и взглядывал на озеро и <...> горы, отражавшиеся в нем, — писал Лев Толстой, — красота ослепляла меня и мгновенно, с силой неожиданного, действовала на меня <...> как будто физическое впечатление, как красота через глаза вливалась мне в душу» (560). То же впечатление слияния и урока пережил Герцен на горном перевале в виду гигантского амфитеатра Монте-Розы (Monte Rosa). Картина не оттолкнула, а поглотила его. «Странно чувствует себя человек в этой раме — гостем, лишним, посторонним — и, с другой стороны, свободнее дышит и, будто под цвет окружающему, становится бел и чист внутри... серьезен и полон какого-то благочестия!» [Шишкин 2006: 461].

Свою формулу швейцарского урока горного пространства извлекала Маргарита Сабашникова в Энгадине: «Эта страна, <...> где в небе прямо за светом угадывается черная бездна, эта светоносная страна <...> навсегда осталась, не географическим пространством, а неким состоянием сознания, чем-то, что, может быть, в давние времена могли переживать паломники в Иерусалиме. Так ощущала я всегда и позднее, когда я там бывала: бытие, действительность» [Шишкин 2006: 437].

Внимание к метафизике пространства, диалог его образов, сама идея спроецировать в пространство культурно-исторические коллизии в «Русской Швейцарии» и подчинить историко-философское повествование принципам путеводительного жанра оказалось важным шагом в историко-литературной перспективе. Перенеся конструкцию путеводителя из прикладной сферы в историко-культурную, историко-философскую, Шишкин произвел перспективный сдвиг жанра. Можно сказать, он написал книгу, которая уже искалась, нащупывалась в русской словесности.

Вышедшая в 2001 «Русская Швейцария», органично вошла (а в локальном контексте даже предвосхитила) ту проекцию «пространственного поворота» [Подорога 2011] в практику отечественного гуманитарного письма и, в частности, литературных исследований, которая в России разворачивалась как раз на рубеже 1990-2000-х гг. Наиболее явно и программно сдвиг внимания к пространству в сфере гуманитарных практик выразился в литературно-художественной и исследовательской деятельности группы «Путевой журнал», возникшей в 1999 году. Ядро группы, «литературно-исследовательской», — так определяли ее характер участники, составили Василий Голованов, путешественник и эссеист, Андрей Балдин, архитектор и писатель, Дмитрий Замятин, географ, культуролог и инициатор становления в России культурной географии как научной дисциплины, а также эссеист Рустам Рахматуллин. Их объединил географический детерминизм, общая интуиция «геократии, пространства как власти» [Замятин 2011: 251]. Путешественники заговорили о геоэстетике как функции литературного творчества и как его истоке, поскольку «чувство пространства <...> нам дано прежде слова» [Балдин 2009: 348].

Дмитрий Замятин развивал идею геоэстетики или метагеографии, трактуя ее как поле междисциплинарных исследований «на границе культурной или образной географии и литературы, понимаемой

локально, регионально, иначе говоря — пространственно» [Замятин 2011: 229]. Прочитываемая в гео-поэтическом ракурсе литература не просто отражает географическое пространство, она творит образы, создающие новую пространственную реальность — метагеографическую. Отсюда проект путеводительных о «картографии русской литературы», которая не сводится к фиксации литературных мест на географической карте, а проецирует на нее «сеть образов» воображаемых пространств, созданных писателями [Замятин 2011: 231; Балдин 2009: 217]. Такое понимание геоэтики реализовывалось в практике эссеистического письма, объединяющего научный и художественный дискурсы, исследование и воображение в описаниях реальных или воображаемых путешествий. Такое письмо организуется конструкцией путеводительного жанра. У Замятина это, к примеру, прогулка по пастернаковскому Балашову, существующему на пересечении реальной топографии города и образного мира «Сестры моей — жизни» [Замятин 2011: 204–212].

На рубеже 2000-х путеводительные организовали цикл экспедиций по местам и маршрутам русской культуры, улавливая связь разворачивания русской культуры и геометрии пространства. Начиная с 2002 года, материалы об экспедициях «Путевого Журнала» регулярно появлялись в журнале «Октябрь». А во второй половине 2000-х стали выходить эссеистические книги участников группы, объединенные общим проектом — путеводителем и «некоей сводной — историко-литературно-географической — русской картой» [Балдин 2009: 217].

Одновременно путеводительный жанр как конструктивный принцип организации исследования и повествования распространялся в более специальных литературных работах, принося и здесь убедительные свидетельства новых эвристических возможностей. Размещение в пространстве позволяло лучше увидеть время. Удачным свидетельством перспектив пространственного анализа феноменов литературной жизни и творчества стала книга Л. Видгофа о московских маршрутах Мандельштама. «Хотелось бы построить эту книгу, — декларировал замысел автор, — как экскурсию по мандельштамовской Москве.<...> Попробуем увидеть Мандельштама в Москве, Москву его глазами, а его самого — понять через Москву» [Видгоф 1998: 10]. Попытка удалась. Рассматривая стихи и жизнь Мандельштама, сквозь городское пространство Москвы как сквозь лабиринт человеческих отношений и исторических обстоятельств, Видгоф открыл новые возможности прочитать стихи поэта «как элемент дышащей ткани повседневности» [Кукулин 1999]. Другим удачным примером путеводительного чтения литературы стала книга о пастернаковской Москве [Сергеева-Кляйтис, Смолицкий 2009].

Убедительным свидетельством нового вкуса к пространству и, соответственно, путеводителю стал достаточно неожиданный для наблюдателей читательский успех итоговых книг путеводительных исследований сакральной топографии Москвы Рустама Рахматуллина [Рахматуллин 2009] и книги «литературных путешествий» Андрея Балдина [Балдин 2009]. Рахма-

туллин стал третьим призером премии «Большая книга» в 2008 году. Андрей Балдин попал в финал «Большой книги» и завоевал приз симпатий читателей в 2009, успешно конкурируя с романами именитых авторов: Леонида Юзефовича («Журавли и карлики»), Александра Терехова («Каменный мост»), Мариам Петросян («Дом, в котором...»), Андрея Волоса («Победитель»), Владимира Маканина («Асан»), Ольги Славниковой («Любовь в седьмом вагоне»).

Рассматривая «Русскую Швейцарию» Михаила Шишкина в бегло намеченном здесь контексте движения и мутаций путеводительного жанра, а также в общей перспективе spatial turn в сфере гуманитарной рефлексии, мы не только сдвигаем ракурс прочтения этой книги. Предложенная тактика чтения «Русской Швейцарии», открывает в целом конструктивную роль пространственного аспекта в творчестве Шишкина. В связи с этим стоит иметь в виду детализированную топографию Казани в романе «Записки Ларионова», описания прогулок по Москве и топографию других мест во «Взятии Измаила», прогулку по Риму в «Венеринном Волосе». Видимо, обостренное внимание к надежной и цепкой достоверности места фундирует общий принцип поэтики Шишкина — «встречу в пространстве людей и событий, не встречавшихся во времени» [Рахматуллин 2009: 10].

ЛИТЕРАТУРА

- Балдин А.* Протяжение точки: литературные путешествия. Карамзин и Пушкин. — М.: Эксмо, 2009. — 576 с.
- Березин В.* Посещение кантона Ури // Дружба народов. — 2001. — № 4. — С. 207–210.
- Видгоф Л. М.* Москва Мандельштама. Книга-экскурсия. — М.: Корона-принт, 1998 (Записки Мандельштамовского общества, т. 9). — 496 с.
- Замятин Д.* В сердце воздуха. К поискам сокровенных пространств: Эссе. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. — 416 с.
- Киселева Л.* Путеводитель как семиотический объект: к постановке проблемы (на примере путеводителей по Эстонии XIX в.) // Путеводитель как семиотический объект. — Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press, 2008. — С. 16–39.
- Кукулин И. Л.* М. Видгоф. Москва Мандельштама // Знамя. — 1999. — № 8. — С. 222–224.
- Набоков В.* Другие берега // Набоков В. В. Русский период. Собрание сочинений в 5 томах. — СПб.: Симпозиум, 2000. — Т. 5. — С. 140–339.
- Рахматуллин Р.* Две Москвы, или Метафизика столицы. — М.: АСТ: Олимп, 2009. — 702 с.
- Сергеева-Кляйтис А., Смолицкий В.* Москва Пастернака. — М.: Совпадение, 2009. — 527 с.
- Шишкин М.* Русская Швейцария: литературно-исторический путеводитель. — М.: Вагриус, 2006. — 656 с.
- Шишкин М.* Только когда вам заткнут рот, вы поймете, что такое воздух... [интервью Н Сикорской, 2013]. — Режим доступа: http://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544 (дата обращения: 16.05.2016).
- Шишкин М.* Мои романы — это просто большие стихотворения [интервью А Бондаревой, 2007]. — Режим доступа: <http://chitaem-vmeste.ru/interviews/moi-romanyeto-prosto-bolshie-stih/> (дата обращения: 27.05.2016).
- Podpora A.* Spatial Turn in Literary Research, Analysis and Reading Practices: Perspectives and Limitations // Топос: Философско-культурологический журнал. — 2011. — № 1. — С. 81–90.

REFERENCES

Baldin A. Protyazhenije tochki: literaturnyje puteshestvija. Karamzin i Pushkin. — M.: Eksmo, 2009. — 576 s.

Berezin V. Poseshenije kantona Uri // Druzhba narodov. — 2001. — № 4. — S. 207–210.

Vidgof L. M. Moskva Mandel'shtama. Kniga ekskursia. — M.: Korona-print, 1998 (Zapiski mandel'shtamovskogo obshchestva, t.9). — 496 s.

Zamyatin D. V serdtse vozduha. K poiskam sokrovennyh prostranstv: Esse. — SPb.: Izd-vo Ivana Limbaha, 2011. — 416 s.

Kiseleva L. Putevoditel' kak semioticheskij ob'ekt: k postanovke problemy (na primere putevoditelej po Estonii XIX v.) // Putevoditel' kak semioticheskij ob'ekt. — Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus / Tartu University Press, 2008. — S. 16–39.

Kukul'in I. L. M. Vidgof Moskva Mandel' // Znamya. — 1999. — № 8. — S. 222–224.

Nabokov V. Drugije berega // Nabokov V. V. Russkij period. Sobranije sochinenij v 5 tomah. — SPb.: Simpozium,

2000. — T. 5. — S. 140–339.

Rahmatullin R. Dve Moskvvy, ili Metafizika stolitsy. — M.: AST: Olimp, 2009. — 702 s.

Sergejeva-Klyatis A., Smolitskij V. Moskva Pasternaka. — M.: Sovpadenije, 2009. — 527 s.

Shishkin M. Russkaja Shvejtsarija: literaturno-istoricheskij putevoditel'. — M.: Vagrius, 2006. — 656 s.

Shishkin M. Tol'ko kogda vam zatknut rot, vy pojmiote, chto takoje vozduh... [interv`ju N. Sikorskoj, 2013]. — Rezhim dostupa: http://www.colta.ru/articles/swiss_made/1544 (data obrashchenija: 16.05.2016).

Shishkin M. Moi romany — eto prosto bol'shije stihotvorenija [interv`ju A. Bondarevoj, 2007]. — Rezhim dostupa: <http://chitaem-vmeste.ru/interviews/moi-romany-eto-prosto-bolshie-stih/> (data obrashchenija: 16.05.2016).

Podpora A. Spatial Turn in Literary Research, Analysis and Reading Practices: Perspectives and Limitations // Topos: Filosofsko-kulturologicheskij zhurnal. — 2011. — № 1. — S. 81–90.

Данные об авторе

Владимир Васильевич Абашев — доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций, Пермский государственный национальный исследовательский университет (Пермь).

Адрес: 614022, г. Пермь, ул. Мира, 33–36.

E-mail: vv_abashev@mail.ru.

About the author

Vladimir Vasilievich Abashev is a Doctor of Philology, Professor of the Department of Journalism and Mass Communication, Perm State University (Perm).